

О.В. Мигунова

Бюро переводов при ЦК КПК, г. Пекин

Чжан Вэньму: философия на острие ножа

Мало ли в Китае людей, обеспокоенных проблемой величия Поднебесной, мало ли тех, кто призывает к переделу мировых ресурсов, ссылаясь на царящую геополитическую несправедливость и логику международного «права»? Они есть и среди политологов, среди военных, журналистов. Но пожалуй ярче всех в ряду представителей нового китайского философского и политологического истеблишмента выделяется широко известный у себя на родине и за её пределами философ и геополитик Чжан Вэньму 张文本, который, по его собственному признанию, уже и забыл, когда в США его стали называть «пекинским ястребом», наверное, с тех пор, когда он заявил в 2000 году, что Китай в своем развитии подошёл к такому пункту, когда знаменитую формулу Мао Цзэдуна «винтовка рождает власть» пора сменить другой, более соответствующий статусу, возможностям и притязаниям Китая – «винтовка рождает великую державу». К нему прислушиваются, причём не только в академической среде. С недавних пор у Чжан Вэньму появилась своя страничка на правительственном сайте в разделе «горячие проблемы», что безусловно выражает изменение его общественного статуса. Он бывает резок в своих суждениях, но и в этой своей резкости убедителен, апеллируя то к Мао Цзэдуну, то к Чжуан-цзы, то к Хайдеггеру, то к Ленину или Троцкому, и находя аргументы как в мистике *Ицзина*, так и в здравом смысле.

Его работы последних лет посвящены актуальным сегодня проблемам глобализации, цивилизационной идентичности, проблемам геостратегии, международным отношениям, анализу и критике наиболее влиятельных геополитических теорий и доктрин, исповедуемых основными игроками на мировой политической арене. В китайских университетских учебниках политологии особое место отводится изложению его взглядов, читаются спецкурсы по его концепции

национальной безопасности. Основные идеи Чжан Вэньму, составившие ему известность, сформулированы в работах 2001–2009 годов: «Китайская стратегия безопасности в новом веке» [1], «Анализ безопасности национальных интересов Китая в контексте мировой геополитики» [2], «О морской власти Китая» [3], «Китайская стратегия национальной безопасности в контексте глобальных перспектив» [4], и два последних по времени труда – монография «Национальная стратегическая способность и игра великих держав» [5], вышедшая в 2012 году и исследование «Стратегия» (2013), где он выступает главным редактором [6].

Своё понимание существа современных геополитических проблем Чжан Вэньму раскрывает в соотношении многосложных и взаимосвязанных явлений и процессов, характеризующих состояние современного мира. Геополитическая проблематика в его понимании – это не просто динамика международных отношений или механика переговорных процессов, совокупность дипломатических атак или реверансов, уступок или угроз. Скорее, это смысловой узел гецивилизационной парадигмы, в котором причудливым образом переплелись и сфокусировались сгустки пассионарных энергий, этнокультурных и экономических эгоизмов, иррациональные уплотнения политических воли и амбиций, расчётливая бухгалтерия транснациональных корпораций, непримиримость конфессиональных образов мира и парадоксы толерантности, противоречия универсализации и фрагментации, диссонансы однополярности, экология и модернизация, демократия и традиционализм, терроризм и ресурсная безопасность, антагонизмы Севера и Юга, Запада и Востока. Это далеко не полный перечень проблем, дающих, надеюсь, наглядное представление о конфигурациях геополитического дискурса Чжан Вэньму, но и его вполне достаточно, чтобы прочувствовать широту контекста, в границах которого он исследует геополитический срез мирового исторического процесса в сопряжении с «китайской спецификой».

Современную китайскую геополитическую ситуацию Чжан Вэньму характеризует исходя из нескольких фундаментальных данностей, соединённых в устойчивые логические цепочки. Они-то и составляют канву его философии геополитики. В конспективном изложении развёртывание геополитических каузальностей, как их понимает китайский учёный, можно представить следующим образом. Преодолев самоизоляцию, активно интегрирующийся в мировую экономику Китай стремительно развивается. На это у него есть неотъемлемое «право», как у любой другой страны. Между абсолютной ограниченностью ресурсов и абсолютной неограниченностью развития существует противоречие, оно, в свою очередь, приводит к противоречию

между абсолютной ограниченностью государственной мощи и необходимостью абсолютной неограниченности развития государства. Объёмы и темпы экономического роста напрямую зависят, помимо инвестиций, от сырьевых ресурсов, острую нехватку которых испытывает Китай, но которые находятся за рубежом. Там же находятся и основные рынки сбыта китайской продукции. Для безопасной циркуляции сырьевых ресурсов и товаров необходимо сопровождение. Морские пути – самые дешёвые и эффективные, значит, необходимо морское сопровождение, т.е. флот, и не только торговый, но и военный. («Нет военного флота, нет и надёжной гарантии ресурсов» [2, с. 21]). Сила морского флота обеспечивает морскую власть. Обеспечение безопасной циркуляции сырья и товаров на море – вопрос национальной безопасности (до 80% китайской экономики так или иначе связано с морем). Следовательно, необходимость защиты национальной экономической безопасности на море объективно выводит Китай за пределы его территориальных границ. Однако на Тихом океане безраздельно господствует ВМФ США. Они лишают Китай контроля над Тайваньским проливом, тем самым закрывая ему выход и в открытое море, и в Мировой океан, перекрывают возможности создания зоны безопасных стратегических границ. В силу этого, конфронтация с США неизбежна. Китай должен положить конец американской гегемонии на море. Это даст Китаю возможность стать «глобальной державой первой величины» и раздвигать границы национальной безопасности («стратегические границы») до нужных ей пределов. Этих пределов Китай сможет достигать беспрепятственно, опираясь на мощь военно-морского флота. «Кто господствует на море, тот властвует в мире», вспоминает он знаменитую максиму классической геополитики.

Позволю себе привести по необходимости обширную цитату из его исследования, в которой помимо дефинитивных уточнений сконцентрирована квинтэссенция его геополитического дискурса:

«Во многих случаях люди, как правило, путают два понятия: „пограничная безопасность“ и „безопасная граница“. Расширение границ „национальной безопасности“ часто путают с расширением „территориальных границ“, другими словами, с так называемой „угрозой“. Это абсолютно неправильно. В действительности, эти два понятия и связаны, и отличаются друг от друга. Любая из стран с рыночной экономикой имеет суверенные внутренние интересы и интересы, выходящие за рамки суверенитета, но в пределах границ своей интегрированности в мир, а также – потребности обеспечения безопасности. Понятие „пограничная безопасность“ означает возможную степень контроля и защиты государством внутренних суверенных территорий.

Материальные константы территорий являются суверенными, поэтому „пограничная безопасность территорий“ по смыслу означает безопасность суверенитета. Национальная „безопасная граница“ означает возможную степень контроля и охрану интересов, расположенных за пределами суверенных границ. Например, территориальные границы США ограничены пределами территорий Северной Америки, но благодаря большой политической, экономической и военной мощи её национальные „безопасные границы“ имеют почти глобальный охват. Территория Китая примерно равна по размерам территории Соединённых Штатов. Но из-за недостаточной по сравнению с США мощи китайских внешних военно-морских сил Китай имеет такую национальную „безопасную границу“, которая не выходит за рамки его „территориальных границ“, хотя широчайший спектр политических и экономических интересов Китая теснейшим образом связан именно с мировым сообществом. Когда национальное государство участвует в процессе глобализации, то право защиты своих национальных интересов, интегрированных в мир, беспокойство о своих зарубежных интересах и их охрана, не являются по отношению к другим странам „угрозой“. Предположим, что территория страны является постоянной величиной, однако государственная „пограничная безопасность“ является величиной переменной и поистине бесконечной, значения которой основаны на движении национальной „безопасной границы“ вперёд: национальная „пограничная безопасность“ зависит от временного признания миром периметра данной национальной „безопасной границы“ (т.е. границы национальных интересов за пределами государства. – *О.М.*). Сравнение коэффициентов национальной „пограничной безопасности“ и национальной „безопасной границы“ дают значение „национальной безопасности“ страны. Предположим, что коэффициент национальной „безопасной границы“ больше, чем коэффициент национальной „пограничной безопасности“, тогда эта страна считается сравнительно безопасной. Если же меньше, то это свидетельствует о том, что страна находится в небезопасном положении. Например, в 1962 году Хрущёв разместил на Кубе ракеты, и тогда американцы запаниковали, потому что почувствовали угрозу своей безопасности. Если в ситуации международного конфликта у той или другой стороны нет свободного объёма гарантированной безопасности, то, нужно согласиться, противостояния ей не выдержат. Объём свободного пространства – это имеющиеся у государства национальные границы безопасности. Их расширение вовсе не означает физического расширения собственной территории государства, но оно означает повышение коэффициента национальной безопасной границы. Безопасность страны зависит от других стран, особенно от

того, как крупные державы конкретно определили её положение – её национальные безопасные границы (то есть от молчаливого признания или непризнания геополитических притязаний той или иной страны. – *О.М.*), а совсем не от того, как политики данной страны представляют себе это, выдавая желаемое за действительное» [2, с. 7–8].

Итак, следуя своеобразной логике Чжана Вэньму, «право на развитие» должно автоматически гарантировать доступ к мировым ресурсам, рынкам сбыта, в условиях безопасности транспортных коридоров. Выход на геополитические морские просторы оказывается одновременно и пропуском в клуб мировых держав, и допуском к «межеванию» зон влияния. Надо признать, что конечная цель доктринальных усилий китайской геополитики, которые вольно или невольно концептуализирует Чжан Вэньму, – оправдание необходимости принципиального передела возможностей доступа к мировым сырьевым ресурсам в пользу Китая.

Равный доступ к ресурсам, полагает Чжан, это главный вопрос международной демократии – выше прав человека, свобод и т.д., ибо касается *права на жизнь*. Каждое государство имеет законное право на жизнь, поэтому вопрос сводится к тому, чтобы урегулировать разногласия с теми, кто подобрался к жизненным ресурсам раньше других и единолично захватил монополию. «Это основное противоречие, перед которым мы находимся от момента возникновения цивилизации... Не важно, какую форму приобретает эта борьба, – она есть основная движущая сила в прогрессе человечества. Политические требования, касающиеся жизни и смерти нации и государства, имеют абсолютные основания» [7].

Учёный предлагает модель развития, которая позволила бы минимизировать возникающие перед Китаем риски. Во-первых, нужно законсервировать внутренние сырьевые ресурсы в качестве стратегического резерва. Во-вторых, необходимо форсировать переключение на внешние источники сырья в условиях относительной стабильности международных отношений. В-третьих, пора, наконец, осознать, что полномасштабная переориентация на «поедание мира», на «ресурсы всего света», способна решительно оздоровить китайскую экономику. Однако же оптимальная модель должна быть такой: развитие производительных сил идёт по восходящей кривой, а потребление внутренних ресурсов – по нисходящей кривой, образуя форму ножниц. Чем больше «ножницы» (разница между восходящей и нисходящей кривыми), тем более здоровым становится экономическое развитие. К сожалению, «экономическое развитие Китая, – констатирует Чжан Вэньму, – всегда находилось в прямой пропорции с возрастом

ресурсного потребления. Необходимость экономического развития в соответствии с доброкачественной моделью вынуждает китайскую экономику находиться в неразрывной связи с мировыми ресурсами» [2, с. 7–8]. Развитие же без подпитки необходимыми ресурсами, – обеспокоенно констатирует Чжан Вэньму, – «может превратиться в вид силы, разрушающей самоё себя» [2, с. 3]. «Внутри социума может возникнуть кризис, который приведёт к общественным беспорядкам насильственного характера» [2, с. 3].

Присмотревшись к аргументации Чжана Вэньму, можно увидеть, что она отражает логику (и психологию) выживания. Однако очевидно, что выживание – это «вторичная» стратегия, она производна, то есть является пассивным «ответом», вполне прогнозируемой реакцией на геополитические вызовы. Но такое положение дел не соответствует конфуцианской «этике лица» и китайским представлениям о величии Поднебесной, а потому не может устраивать китайских геостратегов, – и Чжан Вэньму подтверждает нашу догадку: конечно, пишет он, «выживание не должно быть сущностью будущей судьбы Китая» [2, с. 22]. Смысл китайского чувства истории, мистерии претворения небесного круга в земном квадрате магически связан с понятием срединности и центральности. Этот смысл предполагает, что китайцы сами должны формировать конфигурации мировой геополитики, сами моделировать геополитические процессы в нужном для себя ключе, самостоятельно координировать направления векторов сил и определять правила игры, ибо глобализация, как основной тренд современной истории, «выгодна только при условии, что рычаги... власти будут находиться в твоих собственных руках» [2, с. 312]. А для этого, полагает наш автор, нужно, как Мао Цзэдун, уметь «читать книги, написанные без иероглифов, слышать звуки, издаваемые без струн» (*ду у цзы чжи шу, тин у сянь инь* 读无字之书, 听无弦音) [8, с. 49], как впрочем и уметь их «издавать». Уметь «издавать звуки без струн» – в этом состоит «мягкая сила», стратегия, с помощью которой можно манипулировать ситуацией, то есть управлять ею, выходя в мир. Культура стратегии принадлежит к категории мягкой силы. В разных странах она имеет свои особенности, и в Китае главной такой особенностью является то, что мягкой силой является гуманность-*жэнь*: «*Жэнь* 仁 – это мягкая сила, а *ли* 力 – твёрдая» [9, с. 25].

Чтобы создать видимость подтверждения своей интуиции авторитетом древности, Чжан Вэньму, полагая, умышленно, искажает известную сентенцию Мэн-цзы так, что у него получается следующее: «Тот, кто, опираясь на человеколюбие, принимает на себя личину

сильного, есть... могущественный князь»¹ [9, с. 25]. Человеколюбие-*жэнь*, как это видится нашему автору, обязано укрыться под личиной силы *ли*, его нельзя демонстративно выставлять напоказ, и только хорошо замаскировав его, можно называться великой державой. Однако *жэнь* без *ли* ничего не значит, равно как и *ли* без *жэнь* – оба варианта неприемлемы. «В период династии Сун, – пишет учёный, – было и человеколюбие-*жэнь*, и демократия-*миньчжун*, интеллигенция, в отличие от военных, занимала высокое положение. Синь Цици 辛弃疾 – человек, очень хорошо умевший воевать, в итоге стал поэтом. В период династии Мин была издана „Энциклопедия Юнлэ“ 永乐大典, в период правления Цин – „Словарь Канси“ 康熙字典. Всё это, бесспорно, грандиозные творения, но благодаря им Поднебесной не прибавилось национального достоинства» [9, с. 25]. Конечно, мы не должны понимать Чжан Вэньму так, будто он отрицает роль культуры. Напротив, может показаться парадоксальным, но он на свой лад даже печётся о ней – она должна быть заботливо защищена (укрыта) силой-*ли*. Хотя, надо признать, понимание это своеобразно – он признаёт огромную роль китайской культуры в... «применении китайской стратегии». Культура является «контекстом» стратегической силы, а путь к величию лежит всё же через «подготовку для борьбы в крупных сражениях» [2, с. 15]. Такое видение Чжан Вэньму называет «философией на острие ножа».

Примечание

¹ У Мэн-цзы: «Тот, кто, опираясь на силу, принимает на себя личину человеколюбивого, есть... могущественный князь» (II А, 3. 1. Пер. П.С. Попова).

Литература

1. Чжан Вэньму. Чжунго синьшици аньцюань чжаньлюэ 中国新世纪安全战略 (Китайская стратегия безопасности в новом веке). Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2000.
2. Чжан Вэньму. Шицзе диюань чжэнчжи чжун дэ Чжунго гоцзя аньцюань лии фэньси 世界地缘政治中的中国国家安全利益分析 (Анализ безопасности национальных интересов Китая в контексте мировой геополитики). Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2004.
3. Чжан Вэньму. Лунь Чжунго хайцюань лунь 中国海权 (О морской власти Китая). Пекин: Хайян чубаньшэ, 2009.
4. Чжан Вэньму. Цюаньцю шиечжун дэ Чжунго аньцюань чжаньлюэ 全球视野中的中国国家安全战略 (Китайская стратегия национальной безопасности в контексте глобальных перспектив). Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2008.
5. Чжан Вэньму. Гоцзя чжаньлюэ нэнли юй даго бои 国家战略能力与大国博弈 (Национальная стратегическая способность и игра великих держав). Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2012.

6. *Чжан Вэньму* (гл. ред.). Чжаньлюэ 战略 (Стратегия). Том 1. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013.

7. Интервью журналу «Глобальные финансы» (环球财经). 2013, № 3 (148).

8. *Чжан Вэньму*. Сюаньчуань гунцзо яо хуэй тин «у сянь инь» – сифан вэньхуа чуаньбо чжаньлюэ цзи ци индуй 宣传工作要会听“无弦音”——西方文化传播战略及其应对 (Пропагандистская работа должна уметь «слышать звук, издаваемый без струн» – стратегия распространения западной культуры и ответ на неё) // Сюэси юэкань 学习月刊. 2013. № 4 (527). С. 49–52.

9. *Чжан Вэньму*. Да лиши чжун дэ Чжунго чуаньтун вэньхуа тэдянь хэ цзинсуй 大历史中的中国传统文化特点和精髓 (Создание китайской национальной стратегической мощи в контексте культуры) // Сюэси юэкань 学习月刊. 2008. № 5 (403).

O. V. Migunova

Abstract: Zhang Wenmu: The Philosophy on the edge of the knife

The article analyzes the main provisions of geopolitics' philosophy of prominent Chinese scholar Zhang Wenmu, his views about the greatness of China's, about "soft power" and the role of culture in the formation of a national strategy.